

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ

Российская провинция: массовое сознание и социальные институты

По традиции российская глубинка рассматривается как перманентный вызов реформаторской и новаторской деятельности столицы. Именно отсюда, якобы, исходит тенденция отката назад, срыва очередного цикла модернизации общества и государства. Противоположная крайность - видение в провинции "настоящей, истинной" России в противовес "неукорененной" Москве. Оба эти варианта одного по существу подхода зиждутся на представлении о российской периферии как об особой реальности, которая если не создает угрозу, то, по крайней мере, противодействует модернизационным изменениям, ассоциируемым исключительно с центром (см. [Ахиезер, 1997; 1995; Коган, 1997; Каспэ, 1997; Павленко, 1996; Симон, 1996; Яковенко, 1997]).

Между тем, указанный подход обычно оставляет за рамками анализа тот факт, что любые проявления самостоятельности регионов - и следствие, и условие модернизации, которая подразумевает относительную автономность провинциальных общностей и их институтов. А осознание населением российской провинции своего места в изменяющихся условиях жизни - тем более, неотъемлемая часть модернизационного процесса [Гельман, 1998; Кнабе, 1997]. Более того, отношение массового сознания к различным социальным институтам в той или иной степени определяет их функции в данной локальной общности. Противоречивость процесса формирования российских провинций и их взаимоотношений с государством, а также отражение всего этого в массовом сознании городского населения периферии является предметом данного исследования.

Провинция как социально упорядоченное пространство

В широком спектре употребления термина "провинция" доминируют два основных значения: пространственное и социальное. В первом случае провинция рассматривается как некоторое пространство, стержнем которого выступает городской центр (в конечном итоге, столица государства - метрополия); она - не более чем продолжение городской агломерации, ее периферия, как бы несамостоятельная часть данного локуса¹. Иными словами, провинция - территория, где "реализация центрального культурного образца опосредуется некоторым барьером, преодолен-

¹ В подавляющем большинстве ситуаций слово "провинция" употребляется именно в этом смысле: "провинциальный театр", "провинциал", "провинциальная ментальность", "провинциализм" в целом [Сообщения... 2001].

ние которого требует снижения уровня реализации образца" [Левада, Долгий, Левинсон, 1993, с. 43]. Во втором случае провинция трактуется как некоторый набор социальных институтов (неважно, отсутствующих или присутствующих в метрополии), существующих в активной форме на ее территории в качестве действующей социальной системы и пространства. Провинция в таком контексте - самостоятельная структура, хотя и связанная с другими, соседними, но обладающая своей собственной спецификой, в том числе - культурой [Шилз, 1972, с. 341].

Оба выделенных значения объединяет, однако, то, что провинция - это связь локальной общности (социальной системы) и пространства. Впрочем, данная конструкция - модель, поскольку в реальности их взаимоотношения встроены во взаимоотношения иных социальных систем. Линии зависимостей между ними, проецируясь на данное физическое пространство в виде сети товарных, гуманитарных, информационных и символических обменов, оказываются в среде, где уже отражены взаимосвязи локального социума [Харитонов, 1983, с. 5, 8; Лещ, 1959, с. 5; Мерлен, 1977, с. 8].

Как социально упорядоченное пространство провинция возникла вместе с городом, территориальным продолжением которого она была (притом, что сам город когда-то "вырос" из этого пространства). В досовременных обществах город был центром агропроизводства, и сельскохозяйственные угодья были такими же его атрибутами, как храм или дворец правителя. Прилегающая к месту жилья человека территория становилась материально, организационно и символически упорядоченной: на природный ландшафт накладывается ландшафт социальный. Последний имеет, как минимум, три составляющие. Во-первых, визуально наблюдаемые изменения окружающей среды: дороги, ирригационные сооружения, другие материальные объекты, созданные человеком как социальным существом. Во-вторых, это - сами люди и предметы, которые перемещаются по определенному пространству, а также векторы и интенсивность таких перемещений, определяемые, очевидно, хозяйственно обусловленной дифференциацией данного пространства, детерминирующей связи между поселенческими общностями. И, в-третьих, это - социальная означенность пространства, наполнение его определенными символами. Часть этих символов является функцией общественных институтов (например, границы - функция государства), которые осуществляют воспроизводство социального ландшафта и обеспечивают социализацию представителей как автохтонного, так и пришлого населения своей территории. Все это позволяет сформировать именно такой социальный ландшафт, который отличает специфическое поведение живущих в нем людей [История... 1983, с. 129].

Обычно становление социального ландшафта, в результате которого пространство оформляется как провинция, проходит в три основных этапа. Первый этап - своеобразный "нулевой цикл", наличие реалий в определенных географических и геополитических границах. На территории располагаются какие-то природные объекты: реки, горы, плодородные почвы, леса или степь; в ее недрах имеются (или отсутствуют) те или иные полезные ископаемые: регион может занимать выгодное геостратегическое положение, а может быть удален от других цивилизационных центров и т.п. Но, главное - здесь пока доминирует лишь природный ландшафт.

На втором этапе данная территория социально упорядочивается; природный ландшафт дополняется социальным. Ее население, осуществляя тот или иной вид совместной деятельности (сельское хозяйство, торговля, ремесло), создает систему общественных институтов (управление экономикой, система налогообложения, религиозные институты и т.д.), специфичную для данной местности и отличающую ее от сопредельных. Такая система, в свою очередь, накладывает отпечаток на природную среду. Парадокс тут в следующем: несмотря на то что, казалось бы, и человек, и продукты его деятельности, вроде бы, по-прежнему перемещаются в природном пространстве, они, строго говоря, движутся в пространстве, как бы отделенном от первоначального, естественного. По мере увеличения доли перемещаемого вне при-

родного ландшафта пространство постепенно переупорядочивается, формируя социальную среду, в центре которой находится город".

Третий этап становления провинции наступает, когда ее городской центр накапливает значительные резервы, в первую очередь демографические, для доупорядочивания окружающей местности и экспансии в сопредельные земли. Социальный ландшафт, "свернувшись" и преломившись через городские институты, приобретает там устойчивые формы своего воспроизводства, начинает реструктуризировать, организовывать прилегающие территории. Город из их географического центра становится ядром социальной системы, располагающейся в определенных границах³. "Функция центра состоит в воспроизводстве способа организации, специфического для данной системы", а сам он представляет собой "систему записи определенного культурного содержания средствами социальной организации". Периферия при этом становится "производным и только производным" [Левада, Долгий, Левинсон, 1993, с. 42]. Все культурные образцы, созданные в центре, в той или иной степени воспроизводятся в провинции. Все, возникающее в периферийных структурах, существенно лишь в той мере, в какой оно воспринимается центром. Через пространственное распределение социальной общности воспроизводится организация данной социальной системы.

Именно в этом видел роль городской агломерации как ядра социальной общности М. Вебер. По его мнению, европейский город прошел эволюцию от хозяйственного союза, защищающего свои привилегии и желающего тем самым отделиться от сельскохозяйственной округи, до политической силы, стремящейся поддерживать определенный социальный порядок внутри самого себя, транслируя его вовне, на периферию. Он выделял два основных фактора, способствующих возникновению городов: рациональное политическое управление и отсутствие магических или религиозных ограничений, не позволявших горожанам объединяться в союзы. "Там, где присутствовал хотя бы один из этих факторов, как, например, в Азии, даже сильные экономические факторы соединяли жителей города в союз лишь на время" [Вебер, 1994, с. 342].

Тем не менее, фактор расстояния был значимым как для возникновения и скорости развития данной социальной общности, так и для ее институтов и образа жизни, поскольку организация повседневной человеческой деятельности на территории во многом определяется расстоянием и характером ее природного ландшафта. Пространство оказывается "вплетенным" в повседневное социальное взаимодействие, становится элементом некоторой практики существования и деятельности в данной социальной системе (см. [Лещ, 1959; Перцик, 1991; Бродель, 1994; Волков, 1997]).

Пространственные характеристики местности значимо влияют на нее, особенно в случаях, когда социальная система может заполнить природный ландшафт не полностью, а лишь частично: настолько, насколько позволяют ее демографические ресурсы. Лишь при определенной плотности населения становится возможной социальная организация сама по себе. Так, согнанные засухой на территорию долины Нила народы сумели сообща создать систему орошения близлежащих земель, послужившей прототипом для организации древнеегипетского общества. Западноевропейские города росли по мере того, как сельская округа поставляла им свой демо-

² На этом этапе существует определенный синкретизм социального и природного ландшафтов, которые не мыслятся раздельно друг от друга [Элиаде, 1987. с. 33]. Народы-пришельцы так или иначе воспринимают установившийся здесь порядок как неразрывно связанный с этой территорией, либо приспосабливаются к ней (окультуриваются) [История... 1983. с. 255. 288-289; История... 1988, с. 415]. либо оставляют без изменений образ жизни населения захваченной территории [История... 1992. с. 113].

³ Провинция здесь представляет собой социальную периферию, удаленную от центра не только пространственно, но и символически, а взаимоотношения "город - окружающее пространство" являются проекцией отношений "социальный центр - социальная периферия".

графический избыток. Американский континент несколько веков потреблял излишки населения Европы и Африки [История... 1983, с. 167; История... 1992, с. 234; Бродель, 1992, с. 402]. Иначе говоря, социальная организация ландшафта возникает не только в силу необходимости, но и в силу возможности. И если, к примеру, город, являясь стержнем социальной системы, не в состоянии поддерживать порядок на территории в полном объеме, то социальный ландшафт становится дискретным, "рваным". Это, в конечном счете, означает, что на такой территории недостаточно населения, чтобы заданный порядок поддерживать. Здесь пространство как бы недоосвоено: оно еще не стало провинцией, оно - формирующаяся провинция [Бродель, 1992, с. 455; 1994, с. 89; Поликарпов, 1995, с. 100].

Типология провинций

Исследуя взаимоотношения "центр-провинция" как пространственное выражение их социального взаимодействия и рассматривая последнюю как форму социальной периферии, которая в той или иной степени подчиняется первому, Э. Шилз тем не менее находил, что стремление центра к доминированию в ряде случаев наталкивается на иные, локальные, "относительно независимые центры". Такое общество, где одной автономной системе противостоят другие относительно автономные социальные системы, пространственно от нее удаленные, он называл слабо интегрированным [Шилз, 1972, с. 350]. Но хотя по мере инкорпорации в более крупную общность провинциальный центр, естественно, утрачивает ряд (иногда большинство) своих символических функций, сохраняющаяся их часть формирует своеобразие провинции [Левада, Долгий, Левинсон, 1993, с. 43]. Оставшиеся у периферии символические функции, выраженные в локальных социальных институтах, становятся признаком самостоятельности и самодостаточности провинции, в том числе и как субъекта взаимодействия с центром (чаще всего эту функцию выполняют местные органы власти).

В свою очередь Э.Геллнер, рассматривая процесс формирования национальной идентичности, утверждал, что любая группа людей, скажем, жителей определенной территории, превращается в общность, когда ее члены твердо признают определенные единые права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. И если на данной территории возникла какая-либо община со своими специфическими стереотипами поведения, то она обладает всем необходимым, чтобы со временем стать самодостаточным социальным организмом с перспективой превращения в отдельное государство. В связи с чем можно предположить, что всякая формирующаяся культурная и прочая "особость", "инаковость" потенциально является государственным образованием [Геллнер, 1989, с. 124]. В действительности же экономическое, политическое, культурное своеобразие провинции в сопоставлении с центром, с одной стороны, весьма существенно, чтобы быть обнаруженным, с другой - достаточно незначимо, чтобы выделяться (при всех отличиях) из государства-метрополии и образовывать свое государство. Далеко не всякая провинция может развиваться во вполне самостоятельное государственное образование, даже когда определенный уровень ее автономности признан и даже закреплен (см. [Лейпхарт, 1997]).

Между тем, государство, добившись политического подчинения той или иной провинции, стремится полностью интегрировать ее. В древности это осуществлялось исключительно военным путем, но с возникновением денежно-финансовых систем, стало возможным использование иных рычагов воздействия. Особую роль здесь играет и "высокая культура", получившая поддержку государства, которое начинает транслировать "нормативные" культурные образцы на всю свою территорию, включая ее части, занятые иными социальными общностями - провинциями. Культура метрополии укрепляет свое главенствующее положение в государстве в ущерб его

региональным культурам [Геллнер, 1989, с. 131; Левада, Долгий, Левинсон, 1993, с. 245-246; Ионин, 1996, с. 159; Romanov, Iarskaia, 1988].

В ответ возникает стремление провинции укрепить, сохранить свою самобытность, а значит, и механизм воспроизводства собственного образа жизни. Такое стремление можно назвать феноменом *провинциализма*. Он возникает на определенном уровне развития культуры, когда у метрополии появляется возможность транслировать собственные культурные стандарты на всю территорию своего доминирования. Этот уровень задается не только самой культурой, но и наличием (или отсутствием) финансовых и технических возможностей. И чем меньше первоначальная интенсивность обменов, тем больше ресурсов требуется для такой трансляции [Шилз, 1972, с. 350].

Для отражения выявленной и существенной двойственности определения провинции представляется также целесообразным выделить два ее типа: *неполная провинция* (без институциональной составляющей) и, соответственно, *полная* (с таковой). Первый тип осознается чаще всего в категории некоторой "недостаточности", как определенная социальная "окраина" по отношению к городу-метрополии. Именно в таком контексте слово "провинция" произносится с оттенком пренебрежения и неконкретно: "российская провинция", "французская провинция", "глухая провинция" (это понятие наиболее близко понятию "сельская местность" в противоположность городу). Провинция второго типа, напротив, конкретна и почти всегда имеет собственное название, например - Бретань, Псковщина. Оно противоположно не городу как таковому, а более крупному экономическому или политическому ядру, часто - столице многопровинциального государства. Такая провинция воспринимается как самодостаточный в некоторой степени объект.

Неполная провинция возникает как территория с недосформированным повсюду социальным ландшафтом: в ней встречаются места, где действия индивида определяются не его социальными ролями, которых еще нет, а личностными качествами, всегда случайными и неустойчивыми. Полная же провинция возникает как совокупность социальных институтов, обладающих функциями и дисфункциями, содержание и смысл действий которых в целом не зависят от места, времени и акторов, их выполняющих. Всякое действие здесь носит формальный характер, оно указывает на местоположение актора в социальном поле данного пространства и зависит от него⁴.

Как считает Шилз, "для того чтобы быть обществом, социальная система должна... иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ. Кроме того, она должна иметь свою собственную культуру". Часть этой культуры может принадлежать и другим социальным системам, но "часть... самобытна и принадлежит только ей". Система власти и система культуры (они же центральная институциональная и центральная культурная системы) есть то, что делает провинцию полной. Неполная провинция в его понимании - это социальная система, входящая в качестве составной части в более крупное общество. Очевидно, что деление на полные и неполные провинции не может носить постоянного характера. С одной стороны, "центр стремится к господству над периферией", и у полной провинции всегда есть шанс потерять не только политическую, но и экономическую, культурную и иную самостоятельность. С другой стороны, в XX веке "население периферии ... приобрело некоторые из основных качеств, которые некогда считались монополией центра и доступ к которым, как полагали, был возможен лишь посредством центра". Этому способствовали развитие экономики (в первую очередь, транспорта, связи и

⁴ На степень полноты провинции заметное влияние оказывает плотность ее населения, а также частота межличностных и хозяйственных связей, интегрирующих данную общность. Слабое развитие транспорта и коммуникаций, затрудняя хозяйственный обмен, тормозит формирование социального ландшафта, который становится "рваным", дискретным: области, где функционируют специфичные для данного общества социальные институты (в основном, вдоль оживленных трасс), сочетаются с областями, где такие институты не действуют вовсе [Мид, 1994, с. 251].

торговли) и образования, формирование социальной структуры во второстепенных центрах. Поскольку конкретная провинция в состоянии приобретать или утрачивать статус полной, следует говорить именно о ее трансформации, а не о стадиях развития [Шилз, 1972, с. 345, 342, 356].

В соответствии с введенным нами различием полных и неполных провинций можно выделить и два типа их городских центров. Города первого типа возникли как метрополии, но потом утратили такое положение, например после аннексии и подчинения. Тем не менее, в них находится развитая (хотя, возможно и частично разрушенная борьбой) социальная система, которая вполне в состоянии воспроизводиться во времени [Бродель, 1994, с. 332-341]. Города второго типа создавались метрополией для решения проблемы колонизации данной территории, как способ закрепить ее в составе расширившегося государства [Культура... 1985, с. 168]. В этом случае сам город - уже не социальное ядро, а скорее, не способный к самостоятельному воспроизводству фрагментом периферии, центр которой находится, как правило, в центре государства, подчинившего данную провинцию. По мере роста населения такие города-крепости превращались в собственно города, однако их "государственное" происхождение на долгое время определило им "периферийное" положение и уровень самостоятельности и самодостаточности тамошних социальных институтов. Очевидно, что города первого типа находятся на территории полных провинций, а города второго типа - неполных [Кузеев, 1992; История... 1992, с. 233-234].

Вебер также отличал город, сформировавшийся на основе хозяйственной деятельности местного населения - "корпорацию, регулирующую хозяйственные операции", от города, возникшего в результате деятельности (военной, административной, экономической или иной) какого-то государства, "которая по своему экономическому значению не могла бы претендовать на такое наименование". В таком различии легко можно увидеть разницу между городом - центром полной провинции, и городом, находящимся на территории провинции неполной, чаще всего выполняющим там военно-административные функции, не имеющие хозяйственного значения. Тем не менее, вариант неполной провинции рассматривался им скорее как отклонение или дополнение к случаю провинции полной. Это и понятно, ибо в фокусе его исследований и исследований других социологов оказались территории, где местное население составляло хозяйственную конкуренцию государству. На этих территориях (Западная Европа, США и др.) возникли в подавляющем числе случаев как раз полные провинции. Притом локальные институты появлялись на определенном этапе развития городов, а именно, при защите экономических и имущественных интересов городских жителей, и, наоборот, конкуренцию политической и вотчинной власти эти институты, особенно в условиях силового противостояния, могли составить лишь при обладании постоянным и устойчивым источником своего богатства, основанным на частной собственности. Причем эти социальные институты были настолько устойчивыми и влиятельными, что в ряде случаев (Германия, Нидерланды, Италия) блокировали создание централизованных государств, т.е. составляли не только экономическую, но и политическую конкуренцию государству [Вебер, 1994, с. 315, 317, 342, 245]⁵.

Особенности формирования российских провинций и институализация их в массовом сознании

Процесс возникновения и развития провинции и городов в России происходил в несколько иных условиях. Прежде всего, в отличие от Европы, где перенаселенность сельской местности создавала благоприятные условия для формирования

⁵ Своеобразным продолжением проникновения социальных институтов в пространство, окружающее город, стал процесс "урбанизации", под которым сегодня понимают процесс проникновения городского образа жизни во все типы населенных пунктов [Перцик, 1991].

классической городской среды, в России экономическая и географическая ситуация "выталкивала" людей, фигурально выражаясь, не в города, а в степь⁶. Внешняя (относительно уже освоенных территорий) направленность колонизации стала одной из первопричин запустения земель в старых провинциях и малой численности жителей основной массы российских городов (от 3 до 5 тыс. человек), развитию которых также препятствовала крестьянская община. Последняя, помимо прочего, сдерживала процесс складывания городского населения в единую хозяйственную общность, как это происходило в западноевропейских странах.

Кроме того, миграция русских шла в сельские районы, где создавалась цепь городов-крепостей, основной функцией которых было административное управление колонизируемыми территориями. А из их традиционных центров, способных воспроизводить локальную культуру, целенаправленно удалялись ее носители. Так, сразу же после захвата Казани все татары (и относимые к ним) были выселены из города в слободу, где они удерживались на протяжении почти столетия [Бродель, 1992, с. 476-477; Кузеев, 1992; История... 1988, с. 70-71]. Типологически сходным образом действовало российское правительство и в отношении собственно русских городов, производя массовые депортации местного населения, например после присоединения новых княжеств к московскому государству [Кулаков, Манакон, 1994, с. 29-31; История... 1993, с. 131]. Все это было характерно не только для окраинных территорий страны, но и для ее наиболее освоенных районов.

Своеобразным условием формирования российских провинций была и специфика их хозяйственного развития. Оставляя за пределами рассмотрения анализ ресурсного потенциала Русской равнины и степени его влияния на развитие российского общества (см. [Клименко, 1995; Миронов, 2000]), обратим внимание на факторы, влияющие на интенсивность обменов между локальными социальными общностями. Прежде всего, размеры пространства, которое занимала Россия, радикально увеличивали стоимость любого произведенного в ней продукта. Значительность расстояния, на которое необходимо было перевозить товары, усугублялась факторами риска и разного рода опасностями, в первую очередь грабежами. Причем слабость защиты от "лихих людей" происходила как раз ввиду малого числа городов, реально ее обеспечивающих. Что было, в свою очередь, следствием дискретности социального ландшафта российских провинций [Поликарпов, 1995]. Риск передвижения и перемещения товаров по территории страны оказывался столь большим, что за него приходилось платить: кредит у русских купцов в два раза превосходил по ставке средиземноморские и европейские показатели. Это создавало трудности всей экономике страны, для которой торговля была системообразующей осью [Бродель, 1992, с. 467, 462]. Высокая цена и низкий спрос на сельскохозяйственную продукцию тормозили формирование на селе рентабельного и специализированного производства, что заставляло крестьян втягиваться в ремесленную деятельность и "отхожие промыслы". Хозяйственная специфика территории сдерживала процесс разделения труда, а значит, разделение социальных ролей и формирование социальных институтов [Дюркгейм, 1996].

⁶ О географических особенностях изначального ареала расселения нации "великороссов" существует значительный массив литературы, основной вывод которой состоит примерно в следующем. Огромные незаселенные пространства южнее и восточнее линии границы российского государства XVII века (Нижний Новгород-Рязань) создавали вектор экспансии в эти земли, которая активно поддерживалась и земледельческим, и ремесленным населением России (Самарская... 1994, с. 28, 89; Поубояринова, 1978, с. НО]. В поисках все новых и новых пространств для сельскохозяйственного производства интересы власти и основной части населения совпадали [Пайпс, 1993, с. 35].

⁷ Обратной стороной такого положения стали не только "незначительные масштабы городов и не очень высокое развитие собственно городских функций", но и двойственное положение промышленных рабочих, в значительной степени оставшихся крестьянами (Бродель, 1993, с. 464; Пайпс, 1994, с. 118; Водарский, 1973, с. 331].

Как видим, первые две составляющие социального ландшафта на территории нашей страны (материальные объекты, созданные локальными общностями, и интенсивность обменов между этими общностями) находились в зачаточной стадии. Под влиянием внешних факторов и целенаправленных действий государства российская провинция долгое время оставалась неполной провинцией, социальной периферией, центр которой находился в столице государства - Москве. И если в Европе практически любой город становился корпоративной общностью, спаянной частной собственностью его жителей, то в России аналогичные процессы тормозились как ее экономическими и территориальными особенностями (делавшими почти невозможным возникновение конкурентоспособных производств на основе частной собственности), так и политической власти (направленной на подавление любых негосударственных городских структур как угрозы всеобщему единству). В итоге государство стало единственным институтом, надежно скреплявшим это пространство и формирующим его социальный ландшафт. В отсутствие других, относительно независимых от него социальных институтов и элементов социальной среды, российское государство единолично ее структурировало и, по сути, само составило здешний социальный ландшафт⁸.

Прекращение территориального расширения российской державы в XIX веке приостановило растекание демографических и материальных ресурсов по ее территории. Увеличилась не только плотность населения, но и укрепилась инфраструктура российской экономики и общества (возникли сеть железных дорог, институт среднего и высшего образования, формализовалось государственное управление). Помимо прочего, это увеличило возможности государства по бюрократическому управлению территориями, в связи с чем население стало чаще сталкиваться с государственной машиной, которая все глубже проникала и все чаще вторгалась в жизнь локальных сообществ.

До тех пор пока государство, исправно предоставлявшее своим подданным территорию для колонизации, не слишком давило на них через бюрократический аппарат, люди воспринимали взаимоотношения "центр-провинция" как идеальную модель с однообразной социальной структурой и упрощенными связями. В целом это было адекватно представлением населения российской глубинки и его повседневной практике, основанной на сохранении баланса с окружающим миром [Яковенко, 1997, с. 68].

По мере же структурирования социального ландшафта провинций их население стало активно втягиваться в деятельность, характерную для современной цивилизации (промышленность, транспорт, торговля). Такое поведение формировало двойственность по отношению как к государству в целом, так и к его локальным подразделениям. С одной стороны, последние стремились к реализации задач, поставленных перед ними центральной властью (административное и хозяйственное управление территориями). С другой стороны, само их создание и деятельность противоречили представлениям жителей провинций об идеальном государственном порядке. Вдобавок данное противоречие дополнялось двойственным отношением к самим социальным институтам. Они одновременно воспринимались и как инструмент конкурентной (хотя и нерыночной) борьбы государства за свои интересы, и как инструмент реализации собственных интересов (сначала - хозяйственных, затем - политических). Тем самым, восприятие провинции как пространства входило в противоречие с представлением о ней как о системе социальных институтов.

⁸ Вместе с тем, было бы неправильным сказать, что на ранних этапах государство являлось своим подданным как социальный институт в традиционном смысле этого слова. Примерно со времени возвышения Москвы на протяжении нескольких веков российская власть практически не соприкасалась со своими жителями в институциональном взаимодействии. Поэтому длительное время российское государство, конструирувавшее социальный ландшафт на огромной территории, хотя и не встречало сопротивления, но и не имело поддержки со стороны населения (Лурье, 1994; Ахиезер, 1997).

В конечном счете, все это определило характер процесса *институционализации* российских провинций (и его отражения в массовом сознании), под которым в социологии традиционно подразумевается трансформация обычаев и традиций в институты и превращение их в устойчивую форму социального взаимодействия⁹. В российском обществе указанный процесс шел иным путем: социальные институты целенаправленно создавались государством для решения собственных задач, а затем в силу самых разнообразных причин как бы отпадали от него и приспосабливались к местному социальному ландшафту, становясь все более зависимыми от него. Отчасти это "отпадение" имело (и имеет) характер узурпации прав центра жителями и элитами российских провинций, что сближает его с процессом формирования европейских городов как хозяйственных союзов. Созданные центральной властью социальные институты были "приватизированы" не только провинциальными элитами, но и населением регионов, которое видит в этих элитах защитника своих интересов (Кордонский, 2000).

Очевидно, что отношение массового сознания к локальным социальным институтам является выражением противоречивых представлений населения о государстве как таковом: с одной стороны, представления о государстве с максимально упрощенным локальным институциональным дизайном; с другой - о государстве, взаимодействующем с локальными социальными институтами. Иначе говоря, отношение к социальным институтам может быть основанием для значимой типизации массового сознания населения провинции¹⁰.

В первом приближении можно выделить два типа такого отношения. С точки зрения первого типа массового сознания (назовем его конструктивным) наибольшее влияние на повседневную жизнь провинции оказывают наиболее близкие (в том числе территориально) социальные институты. Они должны находиться целиком на данной территории, быть независимыми от центральных властей в том смысле, что процедура их изменений доступна социальным группам, проживающим на данной территории. Для другого типа (назовем его консервативным) социальные институты более всего влияющие на поведение социальных групп и отдельных индивидов, находятся вне данного пространства - в центре, в Москве, или вообще свыше.

Поскольку соотношение консервативного и конструктивного типов в массовом сознании находит свое выражение в сравнительной оценке влияния местных социальных институтов на ситуацию в регионе, для социальных групп, признающих приоритет местных институтов, власти, "руководства", характерен конструктивный тип массового сознания. В ходе социологических исследований, проводимых в Самаре, для измерения упомянутой сравнительной оценки использовалась следующая формулировка вопроса: "Чем, по преимуществу, определяется экономическая ситуация в нашем городе (материальное положение людей, их доходы, заработки и т.п.): деятельностью местного руководства или не зависящими от него обстоятельствами (сложившимся состоянием хозяйства, центральной властью, общей ситуацией в России и т.п.)?"

В результате было выявлено, что в 1999 году каждый второй житель (50%) Самары назвал деятельность городского руководства определяющей экономическое положение горожан. Иначе говоря, половина самарцев ощущало относительную автономность локальных социальных институтов как от аналогичных структур центра, так и от складывающейся вокруг них ситуации. Наличие такой автономии, в свою

⁹ См., например [Смелзер, 1994; Мертон, 1991].

¹⁰ Впрочем, анализ способности того или иного социального института влиять на локальную и индивидуальную ситуацию, вероятно, не может быть исчерпывающим. Более того, он может быть ошибочным. Однако, несомненно, что восприятие институционального дизайна, окружающего индивида и целые локальные общности, - обстоятельство в значительной степени конструирующее, формирующее этот дизайн [Бергер, Лукман, 1995].

очередь, означает зависимость локальных институтов именно от положения дел в самой провинции, а значит, в конечном счете, от ее населения и его действий с целью сделать эти институты более эффективными. То есть можно считать, что для данной части жителей самарского региона характерен конструктивный тип массового сознания.

В то же время примерно четверть горожан (24%) была убеждена, что экономическую ситуацию в городе определяют какие-то внешние по отношению к нему и его политическим институтам факторы - центральное правительство, сложившаяся хозяйственная реальность и современное экономическое положение России. Иначе говоря, наиболее близким (в территориальном и юридическом смысле) общественным учреждениям отказывалось в возможности влиять на ситуацию и изменить ее в соответствии с интересами тех или иных социальных групп в провинции. Для этой группы горожан характерен консервативный тип массового сознания.

Еще чуть более четверти (26%) самарцев считали, что центральные и локальные социальные институты примерно в одинаковой степени способны влиять на ситуацию в городе, либо затруднились с оценкой такого влияния. Как видим, соотношение консервативного и конструктивного типов массового сознания было приблизительно 1 к 2. То есть примерно половина людей воспринимает экономическую и хозяйственную ситуацию в городе как зависящую в первую очередь от действий местных политических и экономических институтов, считая их в значительной степени самостоятельными и независимыми - автономными.

Ранее, при проведении аналогичного исследования в 1993 году 39% опрошенных не согласились с тем, что местные структуры в состоянии решать местные же проблемы, и ответственность за последние возлагали на государственные власти. Чуть меньше - 36% - считали, что силами местных институтов и населения городские проблемы все же можно решить. Остальные 25% либо делили ответственность за ситуацию в регионе примерно поровну между центром и провинцией, либо затруднились с ответом. Как видим, в недавнем прошлом конструктивный тип массового сознания также доминировал, хотя и менее заметно, примерно в соотношении 1 к 1. Таким образом, за прошедшие с того времени 6 лет конструктивный тип массового сознания стал более распространенным.

Конструктивный тип, естественно, превалирует в группах, которые наиболее глубоко встроены в локальные социальные институты, чаще других взаимодействуют с ними. Консервативный тип доминирует в группах, у которых либо в памяти, либо непосредственно сохранялись установки и формы поведения, характерные для общностей с низкой степенью институционализации отношений. Факторами, образующими данные типы, являются, во-первых, смена поколений в российском обществе (в младших возрастных категориях конструктив доминирует в большей степени, чем в старших), во-вторых, изменение в структуре спроса на рабочую силу, обусловленное процессами институционализации провинции (локальным социальным институтам необходимы в первую очередь специалисты гуманитарного профиля и работники средней квалификации).

Очевидно также, что экономические успехи провинции стимулируют рост представлений о ее самостоятельности и автономности местных структур. Согласно с Утверждением, что экономическая ситуация в самарском регионе за последние годы Улучшилась, заметно чаще (57%) отдают приоритет локальным социальным институтам, в отличие от тех, кто убежден, что она не изменилась (50%), или усматривают ее ухудшение (46%). Видимо, чем чаще массовое сознание наблюдает признаки экономического роста провинции, тем более оно уверено в значимости местных ресурсов (экономических и политических) для ее жителей. И, напротив, приоритет центра растет в тех группах, где изменения, произошедшие на периферии, воспринимаются отрицательно (28%) по сравнению с теми, кто относится к ним положительно (18%). Вероятно, и здесь просматривается оценка влияния центральных институтов на благополучие провинции, характеризующая центр в глазах "провинциалов" не как ис-

точник благосостояния, а, скорее, как источник проблем, выражающихся в сборе налогов и перераспределении местных ресурсов.

Без сомнения, конструктивный тип массового сознания населения характерен для социальных групп, более других вовлеченных в функционирование общественных институтов и чаще осуществляющих повседневное взаимодействие с ними. Так, он доминирует среди молодежи и занятых в частном секторе экономики, т.е. среди наиболее экономически активной части общества, а также среди выпускников вузов гуманитарных специальностей (юристов, экономистов), нацеленных на карьеру в местных социальных институтах. Стремление этой группы видеть их более влиятельными и автономными - либо отражение материального интереса ее членов, либо опосредованное желание укрепить свой социальный статус.

Напротив, консервативный тип массового сознания типичен для неработающих пенсионеров и старших поколений горожан, т.е. для тех, которым внутренние возможности (возраст, здоровье) уже не позволяют участвовать в производстве, а значит - непосредственно претендовать на прибыль от него. Материальный интерес этих социальных групп направлен на концентрацию в руках государства наиболее прибыльных (или всех) отраслей производства и на распределение доходов от них тем же государством, что, очевидно, ослабляет местные социальные институты и укрепляет центральные.

Таким образом, отношение массового сознания к локальным и центральным социальным институтам, их сравнительная оценка является отражением материального интереса различных социальных групп населения провинции. Что, в свою очередь, сближает процесс формирования российских провинций как хозяйственных союзов, видящих в противостоянии федеральному центру способ расширения своей экономической деятельности, а в локальных социальных институтах - защитника своих притязаний в этой борьбе. В конечном счете все это свидетельствует о том, что демонтаж в России тоталитарного общества привел к распаду иерархически построенных взаимоотношений между общероссийскими центрами - Москвой, Санкт-Петербургом - и промышленной провинцией с ее региональными центрами. И выстраиваемые в новых социальных условиях более паритетные отношения между столицей и периферией находят свое отражение не только в сознании отдельных представителей общероссийской и региональных элит, но и в массовом сознании населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И.* Социально-экономическая география М., 1995.
- Ахиезер А.С.* Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. 1995. № 6.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т.1. Новосибирск, 1997.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бродель Ф.* Время мира. М., 1992.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? Ч. 1. Пространство и история. М., 1994.
- Вебер М.* Город // *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Водарский Н.Я.* Население России за 400 лет. М., 1973.
- Волков В.В.* О концепции практики в социальных науках // Социологические исследования. 1997. №6.
- Геллнер Э.* Нации и национализм // Вопросы философии. 1989. № 7.
- Гельман В.Я.* Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // Полис. 1998. № 1.
- Дюркгейм Э.* О развитии общественного труда. М., 1996.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996.
- История Древнего Востока. Т. 1. М., 1983.
- История Древнего Востока. Т. 2. М., 1988.
- История Европы. Т. 2. М., 1992.
- История Европы. Т. 3. М., 1993.

- Кастэ С.И.* Империи: генезис, структуры, функции // Политические исследования. 1997. №5.
- Клименко В.В.* Энергия, климат и историческая перспектива России // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Кнабе Г.С.* Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // Восток. 1991. № 24.
- Коган Л.Н.* Духовный потенциал провинции вчера и сегодня // Социологические исследования. 1997. №4.
- Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Музеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М. 1992.
- Кулаков И.С., Манаков А.Г.* Историческая география Псковщины. М., 1994.
- Культура Древнего Рима.* Т. 2. М., 1985.
- Левада Ю.А., Долгий В.М., Левинсон А.Г.* К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М., 1993.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
- Лещ А.* Географическое размещение хозяйства. М., 1959.
- Лурье С.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- Мерлен П.* Город. Количественные методы измерения. М., 1977.
- Мертон Р.* Референтная группа и социальная структура. М., 1991.
- Мид Д.* Аз и Я // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.
- Мионов Б.Ч.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000.
- Павленко С.В.* Легитимация административного регионализма // Куда идет Россия?.. Ч. 3. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994.
- Перцик Е.Н.* География городов (геоурбанистика). 1991.
- Поликарпов В.С.* История нравов России. Ростов-н / Д., 1995.
- Полубояринова М.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Самарская Летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века.* Т. 1. Самара, 1994.
- Симон Г.* Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Общественные науки и современность. 1996. № 6.
- Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
- Сообщения ФОМ. Сообщение от 29.03.2001. «Тестирование понятия "провинция"» // www.fom.ru.
- Харитонов В.В.* Урбанизация в США. М., 1983.
- Шилз Э.* Общество и общества // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М., 1987.
- Яковенко И.Г.* Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. 1997. №24.
- Romanov P., Iarskaia E.* A New Face of the Old Problem: the Centre-Periphery Dimension of Informational Resources in Russian Social Sciences // Informational Dissemination and Access in Russia and Eastern Europe. Problems and Solutions in the East and West. Amsterdam-Berlin-Oxford, 1998.